

ВОСТОЧНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ РУССКОЙ НАРОДНОЙ РЕЧИ И ФОЛЬКЛОРА

Имре Пачаи

drpacsai@gmail.com

*Ньиредьхазская высшая школа
(Ньиредьхаза, Венгрия)*

Imre Pacsai

drpacsai@gmail.com

*College of Nyiregyháza
(Nyiregyháza, Hungary)*

Аннотация: В данном исследовании анализируется восточный характер русской народной речи и фольклора, связанных с характером национальной ментальности. Культурные контакты русского народа с тюркскими и финно-угорскими народами в волжском бассейне представлены Н.С. Трубецким (1927), сформулировавшим новую теорию – из русской культуры.

Причиной проведения нашего научного исследования русской народной речи и фольклора выступили работы, в которых данная тема представлена недостаточно. Результаты нашего компаративистского исследования подтверждают характерные восточные черты русской народной речи и фольклора и что именно нами открыты параллельные структуры в восточных языках и фольклоре.

Ключевые слова: восточный характер русской народной речи, национальная ментальность, культурные контакты русского народа, недостаточность исследования, параллельные структуры восточных языков, русская культурная зона.

Введение

В настоящей статье рассматриваются некоторые восточные мотивы русской народной речи, которые используются в разных жанрах фольклора. Изучение языковых контактов является важной задачей лингвистики, о чем говорится в работах многих исследователей. Формирование русской народной культуры, по мнению Н.С. Трубецкого, определилось культурными контактами русского народа с соседними тюркскими и финно-угорскими народами. В работах «*Верхи и низы русской культуры*» (1927) и «*О туранском элементе в русской культуре*» (1925) Н.С. Трубецкого представлены мотивы русской материальной и духовной культуры, отражающие влияние восточных контактов.

Упомянутые вопросы непосредственно связаны с проблемой национального менталитета, которая стала важной темой исследователей с конца 20-го века. Данная тема рассматривается в работах русских исследователей (О.А. Корнилов 1994, В.В. Воробьев 1997, В.В. Колесов 1999).

Конференция «*Россия и Запад. Диалог культур*», устроенная в МГУ в 1994-ом году, тоже подтверждает возрастающий интерес русских исследователей к этой проблеме.

Изученная нами тема является довольно трудной и сложной задачей, так как в русских лингвистических работах редко занимались следами восточных контактов в русском языке. О белом пятне свидетельствуют выводы Н.А. Баскакова (1979), поощряющего изучение восточных элементов в русском языке. Он говорит о недостатках в русских лингвистических работах:

«**Не изучены тюркские заимствования** в русском словообразовании (ср.: например, тюркские модели в образовании некоторых так называемых парных слов) и **фразеологии**» [1, с. 5].

Выводы Н.А. Баскакова подтверждают целесообразность нашего исследования.

Другой проблемой является то, что изученная нами стилистическая область, «**русская народная речь**», звучащая в фольклоре и в работах русских народных писателей (П.И. Мельников, П. Бажов, М. Шолохов, В. Шукшин, В. Белов, С. Залыгин, В. Распутин), не явилась темой русского языкознания. Наше мнение подтверждается тем, что в работах *Русская разговорная речь* (1973, 1981), *Стилистика современного русского языка* (1976), не рассматриваются специфические категории, типичные как для фольклора, так и для произведений русских народных писателей.

Проблема русской народной речи

Вопросы, связанные со статусом **русской народной речи** непосредственно связаны с особенностями народной культуры, которые рассмотрены в работах Н.С. Трубецкого. Диалектическая связь между языком и культурой является основным тезисом теории В.ф. Гумбольдта и его последователей, что подчеркивается и в работах русских исследователей (О.А. Корнилов, В.Н. Телия, В.В. Воробьев, В.В. Колесов и т. д.). Несмотря на то, что в статье «**Верхи и низы русской культуры**» (1927) Н.С. Трубецкого четко установлены расхождения между культурными нормами верхов и низов русского общества, не затронуты вопросы, связанные с особенностями языка низов, то есть русской народной речи.

Соблюдая достижения В.ф. Гумбольдта необходимо учитывать диалектическую связь между языком и культурой. Культурные контакты, упомянутые в работах Н.С. Трубецкого, сопровождались и языковыми контактами. Данная проблема четко изложена в книге «**Жизнь происходит от слова**» (1999) В.В. Колесова при определении сущности национальной ментальности: «**Ментальность есть средство национального самосознания и способ создания традиционной картины мира, коренящиеся в категориях и формах родного языка**» [2, с. 148].

По этому мнению, при изучении особенностей национальной культуры, необходимо изучать конкретные языковые структуры, отражающие признаки культуры. В книгах В. Воробьева и В.В. Колесова, говорящих о восточном характере русского языка, не представлены конкретные языковые примеры, доказывающие их выводы. Упомянутые проблемы подтверждают целесообразный характер нашей компаративной работы.

Данная проблема затронута в сборнике русских народных пословиц, составленным В.И. Далем. В предисловии «*Напутственное*», написанном к сборнику, говорится о расхождении между культурой русского народа и просвещенного общества, указывая на расхождения между языковыми особенностями этих основных классов русского общества в 19-м веке.

«Готовых пословиц высшее общество не принимает, потому что это картины чуждого его быта, **да и не его язык**» [3, с. 7]

Расхождения между культурными нормами и традициями городских и деревенских жителей сохранились до середины 20-го века. Об этом говорится в повести «*Последний срок*» В. Распутина. Диалог жителей сибирской деревушки доказывает эту проблему:

« – А ты с ней **по-городскому разговаривай**, по-интеллигентному, а не так, – посмеиваясь, посоветовал Иван.

« – **Я-то по-городскому не умею**, во всю **жизнь** только раз там была, а она-то, **поди**, из деревни вышла, могла бы со мной и по-деревенски поразговаривать” [4, с. 331].

Слова П. И. Мельникова, в своем романе «*На горах*» подтверждают скудость письменных памятников русской народной речи, говорящей о жизни русского народа:

«**У русского простонародья нет ни летописных записей, ни повести временных лет, ни иных писанных памятей про то, как люди допрежь нас жили... Но есть живучие преданья...**» [5, с. 138]

Мы должны говорить о том, что специфические структуры русской народной речи не рассматриваются в важнейших работах по стилистике 70-80-х годов русской лингвистики. Единственную работу представляет собой книга «*Практическая стилистика русского языка*» (1974) профессора Д.Э. Розенталя. На десяти страницах его книги мы нашли больше информации о русском народном языке, чем в толстых томах других известных исследователей. Он включил в состав типичных категорий русской народной речи категории языков «**русской культурной зоны**», в том числе и парные слова, что оправдывает концепцию нашего исследования.

Специфические категории русской народной речи, в том числе изученные нами парные слова, связаны с проблемой восточного характера русского языка, изученной упомянутыми исследователями.

О восточном характере русского языка

В настоящей статье мы поставили целью рассмотреть важнейшие языковые факты, доказывающие теорию Н.С. Трубецкого о существовании евразийских культурных контактов. Обнаруженные нами языковые факты дополняют теорию Н.С. Трубецкого, так как о языковых фактах не говорится в его работах, в которых центральной проблемой является представление сходных мотивов духовной и материальной культуры русского народа.

При изучении разных жанров русского фольклора и произведений русских народных писателей, в которых используются элементы русской народной речи обнаружилось структуры языков Восточной Евразии. Эти произведения служи-

ли важными источниками нашего исследования, так как они дают представление о характере русской народной речи.

Установление характера русской культуры и языка тесно связано с научными дискуссиями о характере русского языка, упомянутыми в работах Ф.П. Филина. Научные дискуссии, возникшие в эпоху А.С. Пушкина, кончились в конце 70-х годов XX-го века итогами Филина, установившего восточнославянский характер русского литературного языка. В книге В. В. Воробьева *«Лингво-культурология»* и в работе В.В. Колесова *«Жизнь происходит от слова»* рассматриваются вопросы **восточного характера** русской национальной ментальности, отражающейся **в русском языке**. Упомянутые исследователи старались найти умственное наполнение и духовные корни восточного характера национального менталитета, определяющего культурные традиции и характер языка.

Выводы В.В. Колесова о роли православных традиций правильны, но проблема восточного характера является многогранной и более сложной проблемой. Нельзя сравнивать восточный характер ментальности с одноцветной тканью, так как она является многоцветным материалом, в котором обнаруживаются разноцветные нити. В книге Колесова не упоминается о деятельности **евразийцев**, которые обратили внимание на интенсивные контакты русского народа с народами Азии. В статье Н.С. Трубецкого *«Верхи и низы русской культуры»* (1927) тщательно изучена проблема «русской культурной зоны», имеющей более тесные связи с Востоком, чем западнославянским культурным регионом.

Н.С. Трубецкой установил сущность **«русской культурной зоны»** как важного мотива евразийской теории в следующем:

«В общем, эта культура есть сама особая «зона», в которую, кроме русских, входят еще некоторые **угро-финские** инородцы вместе с **тюрками** волжского бассейна. С незаметной постепенностью эта культура на востоке и юго-востоке соприкасается с культурой степной (тюрко-монгольской) и через нее связывается с **другими культурами Азии**. На западе имеется тоже постепенный переход (через белорусов и малороссов) к культуре западных славян, соприкасающейся с романо-германской, и к культуре балканской. Но эта связь со славянскими культурами вовсе уже не так сильна и уравнивается сильными связями с **востоком**. По целому ряду вопросов **русская народная культура** примыкает именно к **востоку**, так что **граница востока и запада** иной раз проходит именно **между русскими и славянами**, а иногда южные славяне сходятся с русскими не потому, что и те, и другие – славяне, а потому, что и те, и другие испытали сильное **тюркское влияние»** [6, с. 94].

Работа Н.С. Трубецкого служила важным ориентиром нашего исследования, так как мы нашли теоретическую основу сопоставления сходных категорий языков упомянутой культурной зоны.

Восточные элементы русской народной речи

При компаративном исследовании языков региона, где русский народ установил длительные и интенсивные контакты с тюркскими и финно-угорскими на-

родами обнаружались общие элементы лексики, фразеологии, словотворчества и синтаксиса.

При изучении лексики русских народных пословиц, фиксированных в сборнике В. Даля наблюдается большое количество слов, заимствованных от соседних восточных народов. Необходимо указать и на то, что многие русские фразеологические единицы и пословицы, представленные в сборнике В. Даля, имеют эквиваленты в тюркских и финно-угорских языках, доказывая влияние культурных и языковых контактов. Фразеологические единицы ни **сана**, ни **мана**; **баш** на **баш**; **талан** на **майдан**; мерить на свой **аршин** явно отражают восточное влияние использованием слов, заимствованных из тюркских языков, подтверждая выводы Н.А. Баскакова (1979).

Заслуживает пристального внимания, что мы нашли этимологические источники русских фразеологических единиц *белая кость* и *черная кость* в тюркских языках.

Киргизский оборот *ак соок* '1) утонченно вежливый, держащий себя с достоинством; 2) настоящий, близкий свойственник' <ак 'белый' + соо 'кость', является эквивалентом русской фразеологической единицы *белая кость*.

Эквивалентами оборота являются татарск. *ак сояк* [7, с. 520] 'прям., перен. белая кость'; башкирск. *ак һойэк* 'а) уст: белая кость; голубая кровь; б) белоручка' <ак 'белый' [8, с. 18] 'и *һойэк* [8, с. 738] 'кость'.

В историко-этимологическом словаре «*Русская фразеология*» (2005) еще говорится об исконно русском происхождении этих оборотов. Заслуживает внимания, что в романе «*Былое и думы*» А.И. Герцена оборот *белая кость* обладает положительным значением, а отрицательное значение «*белоручка*» возникло после Октябрьской революции.

В тюркских языках обороты белая кость обладает значением «*аристократ*», а черная кость «*простолюдин*». Выражение *кара халык* имеет значение 'простой народ', слово *кара* само может обладать этим значением. Русское слово *чернь* имеет сходное значение.

В сборнике русских пословиц и поговорок В.И. Даля мы обнаружили пословицы, отражающие **минорат** — важнейший элемент **обычного права** кочевых народов. О функционировании минората у кочевых народов Монголии упоминается итальянскими путешественниками Рубруком и Карпини в 1223-м году. Институт минората тщательно изучен в работах С.А. Каскабасова (1972) у казахов и Е.В. Баранниковой у бурятского народа. Пословицу *Меньшой сын на корню сидит [в крестьянстве – наследует домом]* [3 с. I / 130].

В данной пословице отражен важный элемент **обычного права русского крестьянства**, резко отличающийся от кодифицированных законов. В работе Н.С. Трубецкого «*Верхи и низы русской культуры*» (1927) четко показаны расхождения между нормами и традициями «верхов» и «низов» русского общества. Он подчеркивает то, что европейское правосознание у верхов русского общества укоренилось плохо, а у низов **никак не укоренилось**.

О широком распространении института **минората** говорит вариант данной пословицы *Меньшому сыну отцовский двор, старшему новоселье (по смерти отца; это в крестьянстве обычай)*. [3 с. II/73].

В русском языке наблюдается большое количество слов, заимствованных из тюркских языков. Для этимологического анализа богатым источником служил сборник русских пословиц В. Даля. В пословицах используются тюркские заимствования, вошедшие в литературный язык: **алый, алмаз, аршин, базар, деньга, барабан, каблук, караул, карман, кирпич, таракан, товар, товарищ, тюрьма, ямщик**

Устарелые слова: **алтын, барыш, булат, епанча, кабала, казна, камка, карачун, колчан, коштан, кумач, магарыч, майдан, талан, ясак.**

Слова, сохранившиеся в диалектах, (связанные с бытом деревни): **алашка, армяк, бадья, баклага, бирюк, бельмес, варнак, брага, дуван, кулага, мазарки, мо-сол, махан, салтык, тулуп, тьма, тютюн, харчи, чакчуры, чумичка, шлык, якши.**

Параллели пословиц указывают не только на заимствование конкретных языковых единиц, но указывают и на укоренение восточных культурных традиций степных кочевников: Уважение доброго, быстрого коня, помощника и друга степного кочевника наблюдается в следующих русских пословицах и в их тюркских эквивалентах:

Лошадь человеку крылья [3, II. 355] ; тат. *аты барын канаты бар* [7, с. 57] 'у кого есть лошадь, у того есть крылья'; туркм. *аты барын ганаты бар* [9, с. 55] 'у кого конь, у того и крылья'; чув. *ар сукаче – ут* [10, с. 424] 'крылья мужчины конь'; узб. *аты барын, ганаты бар* [11, с. 55]; 'у кого конь, у того и крылья'; кирг. *ат – эрдын канаты* [12, с. 77] 'конь – крылья молодца'.

«Погоняй коня не кнутом, а овсом»; «На лошадь не плеть покупают, а овес [3, II / 355]; Тат.: *«атны чыбыркы бэлэн кума, солы белэн ку»* [7, с. 643] 'погоняют коня не кнутом, а овсом'; Венг.: *«Zab hajtja a lovat, nem ostor»* [13, с. 731] 'погоняют коня не кнутом, а овсом'. Заслуживает пристального внимания, что многие слова, обозначающие масти лошадей, заимствованы из тюркских языков: **буланный, бурый, каурый, сварас, чубарый.**

Русские пословицы отражают жизненный опыт кочевников.: **«Не, купи двора, купи соседа»** [3, с. II. 155]; **«Не купи деревни, купи соседа»** [3, с. II. 155]; Тат.: *«урын сайлама, курише сайла»* [7, с. 573] 'не выбирай место, а выбирай соседа'; Тур.: *«ev alma, kotşu al»* [9, с. 281] 'не выбирай дом, выбирай соседа'; Узб.: *«ховли олма, кушин ол»* [11 с. 659] 'не покупай дом, купи соседа'; Кирг.: *«конуш алгыча, коншу ал»* [12, с. 402] 'не выбирай стоянку, выбирай соседа', Уйг.: *«Uj alмай, hamsaj alай.»* [15, с. 10] 'не покупай дом, купи соседа'.

Тюркские эквиваленты русского оборота **«Собаке – собачья смерть»** отражают роль восточных языковых и культурных контактов, так как по русским народным традициям собака считается тоже нечистым животным подобно тюркским традициям. Эквиваленты говорят о тюркском происхождении русской пословицы: башкир. *эткә эт үлеме* [8, с. 10] 'собаке собачья смерть'; татар. *эткә эт үлме* (ТаРС 686) [7, с. 686] 'то же'; Туркмен. *ите ит өлүми* [9, с. 361] 'то же'.

Азиатская модель словотворчества

При изучении языка русского фольклора и произведений русских народных писателей мы обнаружили использование специфического вида словотворчества,

который назван термином «**парные слова**». Этот вид деривации типичен для тюркских, финно-угорских, индийских и китайского языков. Эти структуры тщательно изучены в работах финно-угроведов, тюркологов, индологов и китаеведов.

Заслуживает пристального внимания, что в работах русской лингвистики в XX-м веке долгое время не были изучены сочинительные сложения, которые в работах тюркологии и финно-угроведения назывались термином «парные слова». Об этом говорится в книге Н.А. Баскакова, поощряющего изучать эти типичные структуры русской народной речи. Игнорирование этих структур для нас было непонятно, так как А.А. Потебня в книге «*Из записок по русской грамматике. Т. 3*» посвятил около 50-и страниц изучению парных слов в русском языке. Он установил их стилистические признаки, указав на то, что они являются специфическими элементами некодифицированной русской народной речи (просторечия), то есть языка фольклора.

Первая значительная работа по парным словам русского языка была написана профессором О.Б. Ткаченко (1979). Он занимался параллельными финно-угорскими структурами сложения: *жил-был*, которое является типичным элементом зачина русских народных сказок.

При сопоставительном исследовании мы могли установить, что русские сочинительные сложения (парные слова) вполне соответствуют по своей структуре и по семантическим признакам евразийским сложениям. Закономерности финно-угорских, алтайских, индийских, китайских и русских сходных структур, изложенные в работах исследователей: **финно-угорские**: D. Pais 1951, К.Е. Майтинская 1974, О.Б. Ткаченко 1979, Г.Х. Ахатов 1981, **тюркские**: Е.Л. Убрятова 1948; Н. Кайдаров 1958; **индийские** А.П. Баранников 1928, С.К. Чаттерджи 1940; **китайские** G.V. Gabelentz 1881, В.И. Горелов 1984. Их работы доказывают общий восточный характер парных слов изученного региона.

В работах упомянутых лингвистов представлены основные группы парных слов: синонимического, антонимического и суммирующего характера. При изучении парных слов в русском языке мы нашли тождественные виды: структуры, состоящие из синонимов: *булат-железо, вепрь-кабан, друг-приятель, жил-был, жив-здоров, любо-дорого, нежданно-негаданно, путь-дорога*.

Антонимического характера: *видимо-невидимо, как-никак, там-сям, туда-сюда*.

Суммирующего типа: *братья-сестры, золото-серебро, знать-видать, кровь-пот, отец-мать, пахать-сеять, пить-есть, хлеб-соль*.

При изучении парных слов Восточной Евразии кроме сходных видов типологического характера выделились семантические параллели конкретных структур и тематических групп.

В русской народной речи понятия «**здоровье, благополучие**» часто обозначаются парными словами, о чем свидетельствуют структуры *жив-здоров* (Мельников, Шолохов); *живой-невредимый* (Залыгин); *целый-невредимый* (Залыгин); *в целостности-сохранности* (Распутин) *подобру-поздорову* (Шолохов).

В народной фразеологии структура *жив-здоров* употребляется в роли **этикетной формулы**, о чем свидетельствуют диалоги героев в романе П.И. Мельникова: «*Нет ли каких новостей? Все ли живы-здоровы? — Все слава богу живы-здоровы, отвечает Ермило Матвейч*» [5, с. 399].

Эта фразеологическая единица используется и в произведениях П. Бажова, В. Шукшина: «*Микола жив-здоров, скоро домой придет*» [16, с. 83]; «*Слава богу, живы-здоровы.*» [17, с. 446];

О частоте использования фразеологической единицы *жив-здоров* свидетельствует роман М. Шолохова „*Тихий Дон*”. При встрече донские казаки интересуются здоровьем своих знакомых, употребляя данный оборот: «*Наталья с внуками как? Живы-здоровы?*» [18, с. II/ 65]; «*Здравствуй, сват! Живой-здоровый?*» [18, с. II/ 96]; «*Супруга ваша живая-здоровая?*» [18, с. III/ 60]; «*Натальюшка жива-здоровая?*» [18, с. III/ 140]; «*Старик-то мой живой-здоровый?*» [18, с. IV/ 249]; «*Детушки живы-здоровы?*» [18, с. IV/ 422];

В тюркских языках используются многие эквиваленты русского сложения *жив-здоров*: тат. *исен-сау* [7, с.178] 'здоровый; живой, невредимый' <*исен* [7, с. 178] 'здоровый; живой, невредимый' + *сау* [7, с. 471] 'здоровый, невредимый; башк. *сау-саламат* (БРС 729) 'жив-здоров; в полном здравии'; тат.:*сау-саламат* [7, с. 471] 'жив-здоров, в полном здравии'; кирг. *соо-саламат* [12, с. 626], уйгур. *сак-саламат* [19, с. 152], башкир. *һау-сэлэмт* [8, с. 729] 'жив-здоров'; кирг. *соо-саламат* [12, с. 626], 'жив-здоров, целый, невредимый'. В данных эквивалентах слова *жив-здоров* обнаруживаются компоненты *сау, сак, соо, һау* со значением 'здоровый, невредимый' и *сэлэмт, саламат, сэлэмт* 'здоровый, невредимый, благополучный'.

В татарском сложении *исен-сау* [7, с. 178] 'здоровый, живой, жив-здоров, целый, невредимый' <*исен* [7, с. 178] 'здоровый, живой, жив-здоров, целый, невредимый' и *сау* [7, с. 171] 'здоровый, невредимый, здравый, здорово; здраво', в уйгурской структуре *аман-есэн* [19, с. 135] 'невредимый, благополучный, здоров' и в киргизских сложениях *аман-эсэн / эсен-аман* [12, с. 965] используются компоненты-синонимы, подобно русскому сложению.

В языке хинди эти понятия тоже обозначаются парными словами: *кушал-кшем* [20, с. 281] 'здоровье и благополучие' <*кушал* [20, с. 281] 'благополучие, здоровье' + *кшем* [20, с. 298] 'счастье, благополучие': *кушал-мангал* [20, с. 281] 'здоровье и благополучие' <*кушал* + *мангал* [20, с. 860] 'счастье, благополучие'; *бхала-чангā* [20, с. 844] 'целый и невредимый; здоровый' <*бхала* [20, с. 844] 1) хороший; 2) счастье, благо + *чангā* [20, с. 363] '1) здоровый; 2) хороший; 3) чистый'.

В китайском языке сходные понятия тоже обозначаются парными словами, о чем свидетельствуют структуры: *jiàn-zhuàng* [21, с. 26] 'крепкий, здоровый' < *jiàn* (ОКЯ 642) 'здоровый, сильный, крепкий' + *zhuàng* [21, с. 26] 'здоровый'; *jiàn-kāng* 'здоровье, здоров' [22, с. 445] < *jiàn* 'здоровый, сильный, крепкий' + *kāng* [22, с. 456] 'здоровье, благополучный; благополучие'.

О восточном элементе *языковой модели* свидетельствуют структура *живот-сердце*, обозначающая явление душевного мира, компоненты которой относятся к семантическому полю «органы человеческого тела».

В русских народных песнях мы нашли следующие примеры: „*У молодца, у парничка живот-сердце бьетца*” [23, с. 146/30]; „*Сударочки найдеть – живот-сердце мреть*” [23, с. 254/555] „*живот-сердце нарывана*” [24, с. 314].

Эквивалентом является удмуртское сложение *кцтя-сюлэмья* [25, с. 216]. 'по душе, по сердцу', в котором используются компоненты *кцт* [25, с. 216] 'живот'

и *сюлэм* [25, с. 407] 'сердце'. Здесь наблюдается полное соответствие семантики сопоставленных парных слов и их компонентов.

Марийская структура *шум-мокиш* [26, с. 434] '1) внутренности, ливер; 2) душевный мир человека' тоже относится к данному семантическому типу. Сложение состоит из компонентов *шум* [26, с. 434] 'сердце' и *мокиш* [26, с. 192] 'печень', и отражает общность языковой модели региона.

В тюркских языках душевный мир обозначается сходными структурами: уйгурск. *журэк-багри* [19, с. 143] 'внутренности; душевный мир' <журэк 'сердце' и *багри* 'печень'. В обороте „*журек-багри езилмек*” [19, с. 143] 'болеть душой' наблюдается это явление.

В тюркских языках слово, обозначающее „печень” обладает и переносным значением «душа». Турецкое слово *ciğer* [14, с. 156] 'печень' обозначает понятие душа» в следующих выражениях: и *cikmakta bu vavaz o garibin ciğerdinen* [14, с. 156], 'это крик души несчастного'; *ciğerini yakmak* [14, с. 156] 'а, 'терзать душу' б, 'хватать за душу',

Татарское слово *бавыр* [7, с. 51] 'печень' обозначает и понятие «сердце, центр». в выражении „Урал *бавыры*” [7, с.51] 'сердце (центр) Урала'. Выражение *бала – бавыр ите* 'ребенок близкий к сердцу' тоже относится к данной группе.

В русской фразеологии слово *печёнка* тоже обладает сходным переносным значением: „*Всеми печёнками*” [27, с. 531] 'прост. Очень сильно, страстно (ненавидеть, презирать кого-л.); „*Сидеть в печёнках /кого/*” [27, с. 531] 'прост. о чувстве ненависти, крайней нелюбви к кому-л.'.

Эти русские обороты являются элементами **просторечия**, обладают народным характером и относятся к коренным русским фразеологизмам.

Семантические параллели, связанные с образным изображением душевного мира, также свидетельствуют о влиянии культурной зоны и о соприкосновении русского народа с восточными народами.

Венгерское слово *máj* 'печень, печёнка', тоже обозначает и душевное явления и характер человека, что доказывает выражение „*Nagy mája van*” [13, с. 460/ 216] 'чересчур вспыльчивый, раздражительный (букв.: у него большая печень)'.

В китайском языке слово *gān* / гāнь [28, с. 227/2342] (Ош.) 1) печень, печёнка; 2) храбрость, отвага; 3) совесть' имеет и метафорическое значение.: „*гāньчан цунь-дуань*” [28, с. 227/2342] 'убиваться'; „*гāнь-хэ тай-шэн*” [28, с. 227/2342] 'обр. чересчур раздражительный; легко выходить из себя'.

Китайское слово *dān* / дāнь [28, с. 110/1166]'1) жёлчный пузырь 2) степень храбрости, смелости, мужества и отваги', обладающее и переносным значением играет важную роль в фразеологии. Этим словом обозначаются положительные характерные черты мужчины: *даньдà* [28, с. 110/ 1166] 'храбрый, отважный (букв.: большой жёлчный пузырь)'; *даньлян* [28, с. 110/ 1166] 'смелость, храбрость, мужество'; *даньгāнь* [28, с. 110/ 1166] '1) иметь смелость; осмелиться; смель; 2) отчаянный, смелый, дерзкий' связаны с важными характерными чертами человека.

Выражение *даньсяо* [28, с. 110/1166] 'трусливый, робкий (букв.: маленький жёлчный пузырь)' и *даньсюй* [28, с. 110/1166] 'трусливый, несмелый, робкий' обозначают отрицательные характерные черты человека. Выражение *дāньчжжи*

(Ошан. 110/ 1166) 'холерический характер; холерик' тоже обозначает отрицательную характерную черту.

В венгерской фразеологии слово *epe* 'жёлчь' используется тоже для изображения душевных явлений: „*Az epe beszél belőle.*” [13, с. 176/ 550] 'он остро говорит (букв.: из него жёлчь говорит)'; „*Elfutja / elönti az epe*” [13, с. 176/ 551] 'разозлиться, рассердиться (букв.: его разлила жёлчь)'; „*Felforr az epéje*” [13, с. 176/ 552] 'рассердится, пришел в бешенство (у него вскипела жёлчь)'.

О типичности этого семантического явления в китайском языке свидетельствует и сложение *гǎнь-нǎо* [28, с. 227/ 2342] 'обр. физические и душевные силы' состоит из компонентов *гǎнь* [28, с. 227/ 2342] 'печень' и *нǎо* ([28, с. 189/1910] '1) мозги; 2) рассудок, ум', которые используются в выражении *гǎнь-нǎо ту-ди* [28, с. 227/ 2342] 'отдать свою жизнь, не пощадить живота (за родину)'.

О древним характере возникновения путем калькирования свидетельствуют парные слова, использованные в русских исторических песнях XVII-го века: *вор-разбойник, друзья-товарищи, злато-серебро, чашки-ложки, печаль-тоска, род-племя*, и т. д.

Сложение *друг-товарищ* используется в исторической песне 17-го века: „Все то наши *друзья-товарищи*” [29, с. 268]. Вариант *друг-приятель* возник позже, использованное в литературе: „в такую пору середь *друзей-приятелей* доброй ушлицы похлевать” [5, с. I/191], „там все кругом знакомые, *дружки-приятели*” [30, с. 90]

Эквиваленты сложений *друг-товарищ, друг-приятель* в языках изученного ареала. Тюркские эквиваленты; тат: *дус-уш* [7, с. 137] 'друзья, приятели' < *дус* [7, с. 137] 'друг, приятель' + *уш* [7, с. 181] 'товарищ; друг'; башк. *дус-уш* [8, с. 171] 'друзья-товарищи, друзья, приятели; уйгур. *дост-ашна* [19, с. 141] 'друзья' < *дост* 'друг, приятель' + *ашна* [31, с. 38] 'приятель, друг'; уйг: *ашна-агинә* [31, с. 38] ('близкие друзья <*ашна* [31, с. 38] 'приятель, друг'; чувашск. *танташ-юлташ* [10, с. 442] <*танташ* [10, с. 442] 'друг, близкий товарищ' + *юлташ* [10, с. 639] 'товарищ, друг, приятель' наблюдается слово *юлташ*, тесно связанное с башкирским словом *юлдаш*. доказывают распространение этой структуры:

Компоненты тюркских сложений отражают этимологическую связь и языковые контакты, так как компонент одного языка используется в сложении-эквиваленте другого языка.

О языковых контактах свидетельствуют и сложение *эшъёс-юлтошъёс* 'друзья-товарищи <*эш* [25, с. 526] 'товарищ' + *юлтош* [25, с. 530] 'друг, приятель, товарищ, спутник' удмуртского языка. в котором используется компонент *юлтош*, восходящий к тюркским языкам. Башкирское *юлдаш* [8, с. 827] 'попутчик, спутник; 2) товарищ, друг' образовано от слова *юл* [8, с. 826] 'путь, дорога'. Слово *юлдаш* используется в башкирском обороте *тормош юлдашы* [8, с. 827] 'подруга жизни'. Чувашское *юлташ* [10, с. 639] 'товарищ, друг, приятель' тоже свидетельствует о тюркском влиянии в удмуртском языке. Компонент *эшъёс* тюркского происхождения восходит к татарскому или башкирскому *уш* 'друг'.

Эквиваленты сложения *тоска-печаль*, использованного в исторической песне 17-го века, наблюдаются в восточных языках. Татарское сложение *кайгы-гамь* [7, с. 209] 'горе, печаль', состоит из слов *кайгы* 'горе, скорбь' и *гамь* [7, с. 110]

'печаль, скорбь'. Кроме этой структуры используется эквивалент *кайгы-хэсрэт* [7, с. 2010] 'горести, печали, тоска' < *кайгы* 'горе, скорбь' + *хэсрэт* [7, с. 593] 'тоска, печаль', заимствованное из арабского языка.

Заслуживает внимания, что в удмуртском сложении *куректон-кайгу* [25, с. 231] 'горе и печаль' используется компонент *кайгу*, имеющий этимологическую связь с татарским словом *кайгы* [7, с. 209] 'горе, скорбь'. В турецком языке используется синонимы: исконно тюркское слово *кауги* [14, с. 525] 'горе, печаль' (имеющее древнюю форму *каугу*) и *гам* [14, с. 312] 'горе, печаль, скорбь' арабского происхождения. Данные синонимы с тождественным значением отражают обогащение языка путем заимствования. Турецкое слово *hasret* [14, с. 389] 'тоска, горе, сожаление' имеет этимологическую связь с татарским *хэсрэт*, заимствованным из **арабского** языка, что тоже свидетельствует о языковых контактах.

В китайском языке использовано сложение *бэй-ай* [28, с. 810/8423] 'горестный, огорченный', соответствующее представленным сложениям. Сложения антонимического типа *бэй-хуань* 'горе и радость' [28, с. 810/8423], *ай-лэ* 'горе и радость' [28, с. 532/5740] тоже относятся к данному семантическому полю.

Сложение русской народной речи *угостить-употчевать* свидетельствует кроме влияний языковых контактов, об укоренении восточных традиций в русском менталитете. Эта структура используется в русской народной сказке в сборнике А. Н. Афанасьева: „ты *угости-употчевай* меня” [32, с. 172].

Марийский язык использует параллельное сложение *сий-курмат* [26, с. 305] 'угощение, чествование', которое отражает дальнейшие языковые контакты.

О тюркском происхождении слова *сий* говорит казахское слово *сый* [33, с. 816] 'подарок, награда', использованное в обороте *сый конак* [33, с. 816] 'почетный гость'. Казахский глагол *сыйлау* [33, с. 816] '1) подарить, 2) угощать' обладает значением, связанным с изученным семантическим полем.

Татарское слово *сый* [7, с. 494] 'угощение' и глагол *сыйлау* 'угощать, выразить почтение' тоже говорит о тюркском происхождении. Марийская структура *сий-курмат* [26, с. 406] 'угощение, потчевание' является полным эквивалентом татарской структуры *сый-хөрмэт* [7, с. 494] '1) угощение, 2) почтение' и в этимологическом аспекте. Компонент *курмат* удмуртского слова имеет связь с казахским словом *күрмет* [33, с. 230] 'уважение, почет', от которого образованы *күрметтеу* 'уважать', *күрметті* [33, с. 230] 'уважаемый, почтенный'.

Компонент *хөрмэт* [7, с. 623] '1) уважение, почет', 2) **угощение** татарской структуры *сый-хөрмэт* [7, с. 494] имеет этимологическую связь с казахским словом *күрмет* [33, с. 230] 'уважение, почет'. Татарские слова *хөрмәтле* [7, с. 623] 'уважаемый, почтенный', *хөрмәтлеу* [7, с. 623] 'уважать, чествовать' восходят к слову *хөрмәт*.

Башкирская структура *һый-һөрмәт* [8 с. 749] '1) угощение, 2) почет' тоже имеет этимологическую связь с татарскими и казахскими словами. Компонент *һый* 'угощение, застолье', использованное в выражении *ултыртыу* [8, с. 749] 'ставить угощение, устроить застолье'. Слова *һыйлау* [8, с. 749] '1) угощать / угощение; 2) дарить', *һыйсан* [8, с. 749] 'гостеприимный, хлебосольный', образованные от данного слова. Башкирское *һый* родственно с татарским словом *сый* 'угощение', и отражает фонетические закономерности башкирского языка.

Компонент башкирской структуры *һөрмәт* [8, с. 749] 'почет, уважение' и слова *һөрмәт итергә, һөрмәтләргә* [8, с. 109] 'уважать, выражать уважение' родственны с татарским *хөрмәт* и казахским *құрмет* [33, с. 230] 'уважение, почет'.

Родовые отношения в русском языке часто обозначаются парными словами, о чем свидетельствуют примеры, *отец-мать, братсестрома* и *мужеженами*, взятые из книги А.А. Потебни (1899).

Эквиваленты типичной структуры *род-племя* тоже отражают языковые контакты.

При анализе этого сложения А.А. Потебня указывает на то, что *род* имеет значение 'ближайшие родственники', а *племя* дальнейшие родственники' [34, с. 416]. О древнем характере структуры свидетельствует пример, взятый из исторической песни 17-го века: *Ты какого роду-племени?* [29, с. 191]. Мы обнаружили примеры и в литературе: „Помилей мне *роду-племени*“; „мужскому *роду-племени* стыд!“ [35, с. 28]. „из твоего *рода-племени* – дядя или прадед?“ [4, с. 99]

Данное понятие обозначается сходными структурами в языках изученного ареала: тат: *нәсел-нәсәп* [7, с. 406] 'род-племя; тат: *зат-ырусыз* [7, с. 153] 'без роду, без племени'; утмурт *чыжы-выжы* [25, с. 498] 'род-племя, родня'.

В китайском сложении *чжун-цзу* [28, с. 49/463] 'расы и народности, этнический; народность, происхождение' <*чжун* [28, с. 49/463] '1) раса, род, порода; 2. сорт, вид' + *цзу* [28, с. 477/539/] '1) род, родовой, племя, клан, поколения народа; 2. род (биол.)' тоже наблюдается семантическая связь, упомянутая в работе А.А. Потебни. Значение структуры и отдельные значения компонентов доказывают сходство с русским сочинительным сложением.

Сложение *воры-разбойники* и использованное в исторической песне: „Я того *вора-разбойника, Стеньки Разина сынок*“ [29, с. 214] имеет параллели в восточных языках. Чувашское сложение *вара-хурахла* [10, с. 70] 'разбойник, бандит' < *вара* [10, с. 70] 'вор' + хурахла 'разбойник, бандит' является эквивалентом русской структуры. В уйгурской структуре *огри-зивазе* [19, с. 125] 'вороны, разбойники' тоже относится к данному семантическому полю.

Китайское сложение *дао-цзэй* [28, с. 69/693] 'воры и разбойники, грабители, бандиты' <дао [28, с. 69/693] (Ош. 69/693) 'разбойник, пират, бандит' + *цзэй* [28, с. 648/6811]. '1) разбойник, вор, бандит, преступник; 2) 'мятежник, смутьян' является семантическим эквивалентом русской структуры. Китайского *цзэй* используется в структурах *цзэйцзан* 'воровская добыча', *цзэйхуа(р)* 'воровской жаргон'.

Заключение

В результате сопоставительного анализа некоторых слов, фразеологических единиц и специфических структур русского языка мы могли указать на их восточное происхождение. Обнаруженные нами параллельные языковые единицы свидетельствуют о языковых контактах русской культурной зоны, установленных Н.С. Трубецким (1927) и о языковых контактах, предполагаемых Н.А. Баскаковым (1979) и О. Б. Ткаченко. Обнаруженные нами сходные семантические мотивы говорят не только о языковых контактах русского народа с соседними тюркскими и финно-угорскими народами, но указывают и на укоренение восточ-

ных мотивов в менталитете русского народа. Преимущество обычного права **минората** кочевых народов русским крестьянством является веским доказательством укоренения восточных традиций.

Тождество русских и восточных фразеологических единиц и пословиц тоже доказывает интенсивность культурных связей, так как они непосредственно связаны с характером менталитета восточных народов.

Изучением специфических структур, **парных слов** русской народной речи и фольклора мы могли установить восточный характер данного вида словотворчества, что предполагается Н.А. Баскаковым. Представленные нами мотивы национального менталитета непосредственно связаны с языковыми категориями русской народной речи, что соответствует выводам В.В. Колесова (1999) о диалектической связи между культурой и языком.

Список литературы

- 1 Баскаков Н.А. Русские фамилии тюркского происхождения. – М.: Наука, 1979. – С. 5-16.
- 2 Колесов В.В. Жизнь происходит от слова. – СПб., 1999. – С. 142-151.
- 3 Даль В. Пословицы русского народа. Сборник В. Даля в двух томах. – М.: «Художественная литература», 1984. – С. 5-22.
- 4 Распутин В. Повести. – Минск, 1983. – 528 с.
- 5 Мельников П.И. На горах. – М.: «Огонёк», 1978. – 575 с.
- 6 Трубецкой Н.С. Верхи и низы русской культуры (1927) // Вестник Моск. Ун-та. Сер. 9. Фил. – 1991. – № 1. – С. 87-98.
- 7 Татарско-русский словарь. – М.: «Русский язык», 1966. – 863 с.
- 8 Башкирско-русский словарь. – М.: «Дигора, Русский язык», 1996. – 865 с.
- 9 Туркменско-русский словарь. – М.: «Советская энциклопедия», 1968. – 832 с.
- 10 Чувашско-русский словарь. – М.: «Русский язык», 1977. – 712 с.
- 11 Узбекско-русский словарь. – М.: «Русский язык», 1959. – 840 с.
- 12 Киргизско-русский словарь. – М.: «Русский язык», 1965. – 503 с.
- 13 O. Nagy G. Magyar közmondások és szólások. – Budapest: «Gondolat», 1985. – 860 с.
- 14 Турецко-русский словарь. – М.: «Русский язык», 1977. – 966 с.
- 15 Kúnos Ignác. Adalékok a jarkendi törökség ismeretéhez. – Budapest, 1912. – С. 8-21.
- 16 Бажов П. Малахитовая шкатулка. – М.: «Советский писатель», 1947. – 440 с.
- 17 Шукшин В. Лобановы. – М.: «Молодая гвардия», 1975. – 496 с.
- 18 Шолохов: М. Тихий Дон. – М.: «Художественная литература», 1962.
- 19 Кайдаров Н. Парные слова в современном уйгурском языке. – Алма Ата, 1958. – С. 41-49.
- 20 Хинди-русский словарь. – М.: «Русский язык», 1953. – 1200 с.
- 21 Горелов В.И. Лексикология китайского языка. – М.: «Просвещение», 1984. – С. 20-31.
- 22 Задоев Т.П. Хуан Шуин. Основы китайского языка. – М.: «Наука», 1993. – 271 с.
- 23 Сборник народных песен П.В. Киреевского. – Ленинград: «Наука», 1983. – 328 с.
- 24 Русские народные песни, собранные писателями. – М.: «Наука», 1974.
- 25 Удмуртско-русский словарь. – М.: «Русский язык», 1983. – 592 с.
- 26 Марийско-русский словарь. – Йошкар-Ола: «Марий книга изд.», 1991. – 512 с.
- 27 Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Русская фразеология. – М.: «Астрель – АСТ – Люкс», 2005. – 926 с.
- 28 Ошанин И.М. Китайско-русский словарь. – М.: «Русский язык», 1952.

- 29 Исторические песни XVII-го века. – Ленинград: «Наука», 1966. – 376 с.
30 В. Белов. Повести и рассказы. – М.: «Художественная литература», 1984. – 544 с.
31 Уйгурско-русский словарь. – М.: «Русский язык», 1972. – 383 с.
32 Народные русские сказки. Из сборника А.Н. Афанасьева. – М.: «Художественная литература», 1983. – 445 с.
33 Казахско русский словарь. – М.: «Русский язык», 1981. – 574 с.
34 Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. Т. III. – М.: «Просвещение», 1968 (Переиздание книги 1899). – С. 414-465.

Transliteration

- 1 Baskakov N.A. Russkie familii tyurkskogo proisxozhdeniya [Russian Surnames of Turkic Origin]. – М.: Nauka, 1979. – S. 5-16.
2 Kolesov, V.V. Zhizn' proisxodit ot slova [Life Comes from the Word]. – SPb., 1999. – S. 142-151.
3 Dal' V. Posloviцы russkogo naroda [Russian Proverbs]. Sbornik V. Dal'ya v dvux tomakh. – М.: «Художественная литература», 1984. – S. 5-22.
4 Rasputin V. Povesti [Stories]. – Minsk, 1983. – 528 с.
5 Mel'nikov P.I. Na gorax [On the Mountains]. – М.: «Ogonyok», 1978. – 575 с.
6 Trubeczkoj N.S. Verxi i nizy' russkoj kul'tury' [The Upper and Lower Classes of Russian Culture] (1927) // Vestnik Mosk. Un-ta. Ser. 9. fil. – 1991. – № 1. – S. 87-98.
7 Tatarsko-russkij slovar' [Tatar-Russian Dictionary]. – М.: «Русский язык», 1966. – 863 с.
8 Bashkirsko-russkij slovar' [Bashkir-Russian Dictionary]. – М.: «Digora, Russkij yazy'k», 1996. – 865 с.
9 Turkmensko-russkij slovar' [Turkmen-Russian Dictionary]. – М.: «Sovetskaya e'nciklopediya», 1968. – 832s.
10 Chuvashsko-russkij slovar' [Chuvash-Russian Dictionary]. – М.: «Русский язык», 1977. – 712 с.
11 Uzbeksko-russkij slovar' [Uzbek-Russian Dictionary]. – М.: «Русский язык», 1959. – 840 с.
12 Kirgizsko-russkij slovar' [Kyrgyz-Russian Dictionary]. – М.: «Русский язык», 1965. – 503 с.
13 O. Nagy G. Magyar közmondások és szólások [Hungarian Proverbs and Sayings]. – Budapest: « Gondolat», 1985. – 860 с.
14 Tureczko-russkij slovar' [Turkish-Russian Dictionary]. – М.: «Русский язык», 1977. – 966 с.
15 Kúnos Ignác. Adalékok a jarkendi törökség ismeretéhez [Additions to the Knowledge of the Turkish]. – Budapest, 1912. – S. 8-21.
16 Bazhov P. Malaxitovaya shkatulka [Malachite Box]. – М.: «Sovetskij pisatel'», 1947. – 440 с.
17 Shukshin, V. Lobanovy' [Lobanovs]. – М.: «Molodaya gvardiya», 1975. – 496 с.
18 Sholoxov: M. Tixij Don [Quiet Don]. – М.: «Художественная литература», 1962.
19 Kajdarov N. Parny'e slova v sovremennom uygurskom yazy'ke [Paired Words in Modern Uyghur Language]. – Alma Ata, 1958. – S. 41-49.
20 Xindi-russkij slovar' [Hindi-Russian Dictionary]. – М.: «Русский язык», 1953. – 1200 с.
21 Gorelov, V.I. Leksikologiya kitajskogo yazy'ka [Lexicology of the Chinese Language]. – М.: «Prosveshhenie», 1984. – S. 20-31.
22 Zadoenko T.P., Xuan Shuin. Osnovy' kitajskogo yazy'ka [Huang Shuying. Fundamentals of the Chinese Language]. – М.: «Наука», 1993. – 271 с.
23 Sbornik narodny'x pesen P. V. Kireevskogo [Collection of Folk Songs by P.V. Kireevsky]. – Ленинград: «Наука», 1983. – 328 с.

24 Russkie narodny`e pesni, sobranny`e pisatelyami [Russian Folk Songs Collected by Writers]. – M.: «Nauka», 1974.

25 Udmurtsko-russkij slovar` [Udmurt-Russian Dictionary]. – M.: «Russkij yazy`k», 1983. – 592 s.

26 Marijsko-russkij slovar` [Mari-Russian Dictionary]. – Joshkar-Ola: «Marij kniga izd.», 1991. – 512 s.

27 Birix, A.K., Mokienko, V.M., Stepanova L.I. Russkaya frazeologiya [Russian Phraseology]. – M.: «Astrel` – AST – Lyuks», 2005. – 926 s.

28 Oshanin I. M.: Kitajsko-russkij slovar` [Chinese-Russian Dictionary]. – M.: «Russkij yazy`k», 1952.

29 Istoricheskie pesni XVII-go veka [Historical Songs of the 17th Century]. – Leningrad: «Nauka», 1966. – 376 s.

30 V. Belov. Povesti i rasskazy` [Stories and Stories]. – M.: «Xudozhestvennaya literatura», 1984. – 544 s.

31 Ujgursko-russkij slovar` [Uyghur-Russian Dictionary]. – M.: «Russkij yazy`k», 1972. – 383 s.

32 Narodny`e russkie skazki [Russian Folk Tales]. Iz sbornika A.N. Afanas`eva. – M.: «Xudozhestvennaya literatura», 1983. – 445 s.

33 Kazaxsko russkij slovar` [Kazakh-Russian Dictionary]. – M.: «Russkij yazy`k», 1981. – 574 s.

34 Potebnya A.A. Iz zapisok po russkoj grammatike [From Notes on Russian Grammar]. T. III. – M.: «Prosveshhenie», 1968 (Pereizdanie knigi 1899). – S. 414-465.

Пачаи И.

Орыс халық тілі мен фольклорының шығыс элементтері

Аңдатпа. Бұл зерттеуде орыс халық тілі мен фольклоры ұлттық діл сипатының байланысындағы Шығыстық сипат талданады. Орыс мәдениетінен жаңа теория құрастырған Н.С. Трубецкий (1927) Еділ аймағындағы орыс халқының түркілер мен фин-угор халықтарымен байланысын көрсетті.

Біздің орыс халық тілі мен фольклоры ғылыми зерттеуіміздің себебі, осы тақырып бойынша ұсынылған жұмыстардың жеткіліксіз зерттелуі түрткі болды. Орыс халық тілі мен фольклорының шығыстық сипат ерекшеліктерін және шығыстық тілдер мен фольклорының параллель құрылымын ашқанымызды біздің компаративистикалық зерттеу нәтижесі дәлелдейді.

Түйін сөздер: орыс халық тілінің Шығыстық сипаты, ұлттық діл, орыс халқының мәдени байланыстары, зерттеудің жеткіліксіздігі, шығыс тілдерінің параллель құрылымдары, орыс мәдени аймағы.

Расай I.

Oriental Elements of Russian Folk Speech and Folklore

Abstract: this study analyses the Eastern character of the Russian folklanguage and folklore which connected with the character of national mentality. The cultural contacts of Russian people with the Turkish and Finno-Ugrian people in the Volga basin presented by N. S. Troubetzkoy (1927) who foemed the new theory-from Russian culture.

Our scientific investigation of the Russian folklanguage and folklore is motivated by the works, which demonstrated the insufficiency of this domain. The results of our comparative investigation prove the Eastern traits of Russian folklanguage and folklore, namely we discovered the parallel structures in the Eastern languages and folklore.

Key words: Eastern character of the Russian folkspeech, national mentality, cultural contacts of Russian people, insufficiency of research, the parallel structures of Eastern languages, Russian cultural zone